

щий до мелких деталей, что и как ему нужно делать. Хотелось бы пожелать ему больше профессорской рассеянности и академической отрешенности.

Ю.М. Резник

Юрий Михайлович Резник: У каждого человека есть в жизни свой «момент истины» — высшая точка саморефлексии, символизирующая предельный уровень его развития в личностном и профессиональном плане. Пришел ли Ваш момент истины или Вы еще находитесь в состоянии его предощущения?

Дмитрий Игоревич Польшвинный: Если бы этот момент наступил, я бы уже не смог дать Вам интервью. Для меня момент истины — синоним экзистенциального предела. Есть и другая точка отсчета. Это время, когда осознаешь, что все планы и цели меркнут на фоне разнообразия и богатства жизни, что жизнь интересна сама по себе, а все наши усилия могут изменить лишь угол зрения, с которого мы на нее смотрим. Видимо, выбрав гуманитарную стезю и прочно встав на нее, я уже достаточно много лет движим прежде всего любопытством. Разумеется, я имею в виду профессиональную деятельность, научный поиск. В частной жизни момент истины — это настоящая, последняя любовь, которая может настичь человека и в молодости, и в зрелые годы, а может не прийти никогда.

Ю.М.: Если бы можно было переписать Вашу жизненную историю, то что Вы предпочли бы исключить из нее? Есть ли в Вашей жизни то, о чем Вы сожалеете? И готовы ли Вы расстаться с инерционными следами своего Вашего прошлого, которое неумолимо напоминает об ушедшем?

Д.И.: Переписать можно не саму переживаемую историю, а ее картину, отраженную в сознании, в т.ч. и в собственном. То, что сделано, — сделано, и сожалеть об этом бессмысленно. Даже если я постараюсь забыть какие-то свои неблагоприятные деяния, их помнят другие. Как и всем, мне жаль неиспользованных возможностей, ушедших учителей и друзей. Жаль времени, истраченного бесполезно. Я бы не хотел говорить сегодня о политике, но самой большой потерей времени для меня стали годы горбачевской перестройки. Многое из сказанного, написанного и сделанного мной в эти годы действительно достойно сожаления. Но даже эти «инерционные следы», как Вы выразились, нельзя стереть, но можно изменять и прерывать их траектории, что я и сделал в начале 1990-х.

Ю.М.: Каким Вы себя видите обычно со стороны — важным или несерьезным, величавым или смешным, заботливым и чутким руководителем, проявляющим неподдельное внимание к людям, или администратором, подчеркнuto равнодушным к окружающим и небрежным в отношениях с подчиненными, педантом или рассеянным человеком, кумиром студентов, заслуженно пользующимся их признанием, или «профессором в очках», высказывающим заумные вещи, аристократом духа, взирающим на происходящее во-круг него с высоты, или кропотливым и въедливым исследователем, собирающим по крупицам новое знание, ироничным или простодушным человеком? Каким еще, скажите!

Д.И.: Так или иначе меня могут видеть со стороны другие. Я с 13 до 18 лет был ведущим детских, потом юношеских передач на студии телевидения в Усть-Камено-

горске. Тогда все передачи шли только в прямом эфире, и первое, чему меня научили старшие коллеги, — забывать о том, что на тебя постоянно смотрят со стороны, и разговаривать со зрителями как с добрыми знакомыми. Я и сейчас вижу себя со стороны, только в зеркале два-три раза в день, и это не всегда меня радует. В неумении видеть себя со стороны есть негативные аспекты — меня иногда излишне заносит в полемику, в шутках, в иронии на чужой счет. Но из перечисленных Вами ролей я не могу выбрать какую-либо одну. Я действительно исследователь, профессор, ношу очки, временами я рассеян, временами ироничен, временами отстранен от мира. Я рожден под Близнецами, что подразумевает разнообразие ролей и состояний.

Ю.М.: *Считаете ли Вы себя удачливым человеком? Назовите самую большую и самую неожиданную удачу в своей жизни.*

Д.И.: Моя самая большая удача — это поступление в Московский университет, хотя я не назвал бы его неожиданным. Я «штурмовал Воробьевы горы», тогда — Ленинские, трижды. В 1970 г. поступал на журналистику и не поступил (это — тоже удача), потом попытал счастья на истфаке и тоже не поступил, но на следующий год поступал только на историю. На одно место претендовали более двадцати человек, но мне очень помогла школьная золотая медаль — я сдавал только один экзамен и, к счастью, сдал его на «отлично». Со мной эту удачу разделили почти двести человек — так велик был наш курс.

Мне повезло с однокурсниками и однокашниками по университету — кем бы мы ни стали впоследствии, истфакское братство объединяет нас и сегодня. О качестве образования и профессиональной мотивации можно судить хотя бы по тому, что четверо из комнаты общежития на Ломоносовском проспекте, где начиналось мое студенчество, сегодня — профессора-историки. Кстати, дочь моей научной руководительницы в МГУ — профессора Людмилы Васильевны Гориной — художница Елена Горина, чьи работы украшают цветные вкладки нашего журнала. Неожиданной удачей был для меня и приход в редколлегию ЛКО.

Ю.М.: *Что для Вас лично означает быть успешным человеком? Какие слагаемые профессионального успеха Вы можете привести, опираясь на собственный опыт?*

Д.И.: На мой взгляд, главные титулы, степени и звания человек получает от своих родителей — это его имя, отчество, фамилия. Главное же мерило профессионального успеха — неформальное признание в соответствующем сообществе. При этом успех выражается не только дилеммой «принят — не принят», но и местом в этом сообществе. Скажем, в одном «невидимом цехе» я — мастер, в другом — подмастерье, а в третьем — ученик. Достигнутые позиции не постоянны. В последние десять лет я — прежде всего менеджер в сфере высшего образования и науки, затем — преподаватель и, к великому моему сожалению, только после этого — ученый. Относительно пути к успеху могу уверенно сказать, что если успех — цель, то его достичь труднее, чем если просто делать свое дело.

Ю.М.: *Когда Вы просыпаетесь утром, что лучше всего помогает Вам обрести необходимый тонус — утренняя зарядка, чашечка кофе, теленовости, хорошая музыка, выяснение отношений с близкими Вам людьми, бесцельные шатания по квартире в надежде найти и восстановить свой прежний образ или спешные сборы на работу? Или что-то еще?*

Д.И.: Еще одна грань раннего опыта жизни. С шести лет мои родители-геологи брали меня в поле, в экспедиции по Казахстану, Алтаю, Сибири. Я ходил вместе со

взрослыми в долгие маршруты, помогал делать съемку, бить шурфы, толочь образцы. В поле не спрашивают утром, будешь ты вставать или нет. Начинается день — начинается работа. От привычки легко вставать в любом настроении меня не отвратили даже полтора десятилетия жизни в общежитии. Я не пью кофе, поэтому утро всегда начинается с чая с лимоном и телевизионных новостей.

Ю.М.: *Как Вам удается так много работать, совмещая обязанности проректора по науке, действующего профессора истории, члена многочисленных комиссий, редколлегий, советов? Каков Ваш идеальный рабочий день с точки зрения организации и последовательности занятий?*

Д.И.: Хотя я действительно много времени провожу за работой, но не сказал бы, что умею организовывать этот процесс, скорее я — заложник закона Паркинсона, в соответствии с которым работа занимает любой отведенный ей объем времени. Я умею планировать сложные и многообразные виды работ, оптимизировать способы их выполнения для команды, но не всегда могу сам точно следовать планам и графикам. Причин тому несколько. Во-первых, мои обязанности — преподавателя, заведующего кафедрой, проректора, редактора и пр. — предусматривают участие в решении разнообразных проблем многих людей. Устанавливать приемные часы нет большого смысла — все равно я не могу отказать ни студенту или аспиранту, своему или чужому, в консультации, совете, рекомендации, ни коллеге — в срочной подписи. За день через мой кабинет проходит до трех десятков посетителей, и каждая встреча вносит коррективы в намеченный список дел. Во-вторых, я не могу избавиться от вредного в нынешней жизни перфекционизма — я физически не могу ни бросать один раз начатое дело, ни завершать его кое-как. В-третьих, теперь есть еще одна вредная вещь — Интернет с его новостями, почтой, скайпом и пр.

Ю.М.: *Нравится ли Вам нынешняя организация профессиональной жизни? Что бы Вы с радостью исключили из перечня своих многочисленных обязанностей?*

Д.И.: В последние год-два в разы выросли число и объем бюрократических запросов — редкий день почта, обычная и электронная, не приносит писем, ответы на которые, как правило, нужно было выслать еще вчера. Неведомые мне люди, чьи фамилии напечатаны в левом нижнем углу листа мелкими буквами, от имени высококих чинов, подписывающих запросы, требуют разнообразную информацию, о дальнейшей судьбе которой, как правило, потом не сообщается. Другие письма обязывают участвовать, часто не бесплатно, в бесконечных выставках, семинарах, собраниях, дискуссиях по поводам и без таковых. Как правило, это — имитация деятельности и пустая трата времени.

Ю.М.: *Что Вам приносит наибольшее удовлетворение в работе — продуктивное общение с коллегами, новая книга, которую Вам удалось полистать, собственная статья или монография, только что вышедшая в свет и получившая хорошие отзывы, удачно проведенное научное мероприятие, своевременное решение давно назревших организационных проблем, связанных с Вашей административной деятельностью, неожиданно пришедшая к Вам свежая идея, приоткрывающая новые горизонты исследования волнующей Вас научной проблемы? Что еще?*

Д.И.: Очень многое — толковые ученики и успешно завершенная работа, удачные проекты и эффективные решения, признание в новых профессиональных сообществах и свидетельства этого признания — отзывы коллег, приглашения к участию в конференциях и проектах и пр. Новые идеи сами по себе — не повод для радости,

удовлетворение приносит их успешная реализация или своевременный отказ от такой реализации, если вовремя удастся понять, что идея ведет в никуда. Как я уже Вам сказал, я получаю удовлетворение от любой качественно выполненной работы – от научной публикации и прочитанной лекции до шашлыка, приготовленного для друзей, или борща для семьи.

Ю.М.: *Чем Вы больше всего недовольны в повседневной жизни: нерациональным использованием личного рабочего времени и бессмысленностью суеты, бесполезными заседаниями и совещаниями, необходимостью принимать непопулярные меры в отношении коллег и подчиненных, некоторыми своими недостатками, мешающими Вам продуктивно работать? Чем еще?*

Д.И.: Прежде всего, конечно, собой. Среди вещей, осложняющих жизнь, на первом месте я назвал бы рефлексия. Увы, я машу кулаками после драки, не могу оставлять за порогом университета служебные дела, долго помню о неудачах, остро чувствую неблагодарность.

Ю.М.: *Что в своей жизни и работе Вы цените прежде всего – возможность заниматься научным творчеством, общение с коллегами-единомышленниками, руководство коллективом, семейное благополучие, индивидуальный комфорт, путешествия, вылазки на природу и т.д.? Можете ли Вы выстроить свои предпочтения в приоритетном порядке?*

Д.И.: В жизни я более всего ценю искренность, верность и чувство юмора. В работе – ответственность, нацеленность на результат, самоотдачу. Остальные предпочтения зависят от настроения, среди других я выделил бы, пожалуй, только путешествия. Я много ездил и по СССР, и по России, и по Европе, бывал в США. Я никогда не был за границей как турист – в другие города и страны меня влекут дела, друзья, воспоминания.

Ю.М.: *За что Вы себя цените и чем особенно гордитесь в своей жизни? Удалось ли Вам и в какой мере «построить» дом (т.е. создать условия для семейного и личного благополучия); «посадить дерево» (т.е. осуществить дело своей жизни); «вырастить сына» (воспитать детей, наследников и продолжателей своего дела)?*

Д.И.: Уважение к себе – необходимая предпосылка уважения к окружающим, а адекватная самооценка – основа развития личности, профессиональных качеств и карьеры. Гордость же во всех проявлениях – не лучшее из человеческих чувств, она стоит очень близко к зависти. Гордиться, по-моему, можно только победами над своими недостатками, все остальное – от лукавого. Я не горжусь своими достижениями, а скорее радуюсь им или испытываю удовлетворение от преодоления трудностей и вредных качеств – тех же гордыни или зависти.

Ю.М.: *Этот ответ наводит на мысль о Вашем отношении к религии. Какое место она занимает в Вашей жизни?*

Д.И.: Это – тема, не предназначенная для публичного обсуждения, и я ограничусь примером. Когда мой сын пошел в школу (это было начало 1990-х), я спросил его, много ли в его классе детей, которые не верят в Бога, а он спросил в ответ: «А разве такие бывают?» Я никогда не был атеистом, да и занятия средневековой историей православных народов малопродуктивны в ограниченных рамках рациональности. Мой болгарский учитель, академик Васил Пюзелев, в студенчестве советовал мне читать труды русских византистов и славистов XIX в., говоря, что они, люди верующие, гораздо лучше, чем мы, понимали православное Средневековье. Я наде-

юсь, что тоже смог многое понять из этой эпохи. Очень рад тому, что мои труды высоко оценила Русская православная церковь, в 2001 г. я получил из рук святейшего Патриарха Алексия II высшую церковную награду за научную деятельность — премию памяти св. митрополита Макария (Булгакова). Мне приносят большое удовлетворение публикации в Православной энциклопедии, требующие тщательных поисков и выверенного текста.

Ю.М.: Из списка Ваших работ следует, что последние лет десять Вы пишете на различные темы — от истории Болгарии и православных Балкан до современной мировой политики и проблем высшей школы. Что это — широта исследовательского кругозора или дань конъюнктуре?

Д.И.: Ни то ни другое. Я прежде всего был и остаюсь историком-славистом. Обе мои диссертации — кандидатская и докторская — посвящены средневековой истории Балкан. В Ивановском университете, куда я был распределен после аспирантуры МГУ тридцать лет тому назад, я попал на кафедру новой и новейшей истории и был должен вести спецкурсы и семинары в рамках проблемного поля кафедры. Я выбрал историю международных отношений на Балканах и в Центрально-Восточной Европе, а после «бархатных» революций — переходные процессы в Восточной Европе и расширение Европейского союза.

В начале 2000-х гг. мы открыли на кафедре новую специальность — «международные отношения», и мои изыскания пригодились в ее развитии. Все мои аспиранты защищали диссертации уже по новейшей истории и по международным отношениям. Что касается проблем высшего образования, то эта тематика в моих публикациях связана уже с управленческой деятельностью — в 2001 г. я стал деканом исторического факультета, а в 2003 г. — проректором ИвГУ. Но на самом деле я думаю, что в основном занимаюсь примерно одним и тем же. Это — проблемы трансграничного и межкультурного взаимодействия европейских народов в рамках наднациональных сообществ, каковым было «Византийское содружество наций» и каковым становится на наших глазах объединенная Европа. Хотя создание этих сообществ в Средние века было результатом насилия, их объединяли изнутри процессы распространения общих правовых норм и культурных образцов. В современной Европе создаются и развиваются общие пространства права, экономики, политики, образования, культуры, те же процессы составляют и основное содержание того, что мы называем глобализацией. Понять их механизмы и содержание можно прежде всего на фоне сопоставительного изучения частных случаев в разные времена и при различных условиях.

К сожалению, историческая наука в нашей стране с трудом продвигается через затянувшиеся «болезни роста» последнего двадцатилетия. Историки сами активно разрушали научный и общественный авторитет исторических исследований в идеологизированных дискуссиях перестроечного и постперестроечного времени; продвигали в отечественный академический дискурс наспех прочитанные труды зарубежных коллег, незаслуженно вознося их гипотезы до уровня социальных теорий; раскалывали профессиональное сообщество в угоду партийным интересам и т.д. В результате утрачена методологическая культура, перестало расти сообщество постигаемое ядро профессионального знания, которое на Западе именуется «конвенциональной мудростью», и это не могло не сказаться на роли исторического знания в обществе. Вновь заявила о себе «историческая политика», порожденная, с одной стороны,

стремлением государственных структур поставить под контроль исторические исследования, с другой – «разбродом и шатанием» общества, оставленного на произвол конспирационистов, графоманов и авторов несуществующих сенсационных открытий. Потребуется усилия не одного поколения новых исследователей, чтобы вернуть обществу историческую память.

Ю.М.: *Немалую часть Вашей биографии составляют переводы, редакторская работа, международные научные и образовательные проекты, консультативная деятельность. С чем связано такое разнообразие?*

Д.И.: Как я уже говорил, моей первой профессией «с молодых ногтей» была журналистика, я начал с кружка юных корреспондентов при областной газете «Рудный Алтай», которую тогда возглавлял М. Полторанин, и детско-юношеских передач местного телевидения. В 1980-е гг. я был внештатным сотрудником болгарской редакции иновещания Гостелерадио, в конце 1980-х и начале 1990-х гг. часто появлялся в местных ивановских СМИ. Сейчас журналистики практически не стало, и я редко появляюсь в эфире или пишу. Блогосфера меня не устраивает отсутствием установившихся правил, дефицитом этики.

Второй стала профессия переводчика английского языка (я благодарен за посыл в этом направлении одному из моих учителей – Борису Исаевичу Ноткину), потом я перешел в основном на болгарский. В конце 1980-х гг. мы с известным литературоведом-болгаристом Игорем Калигановым опубликовали в «Художественной литературе» книгу наших переводов из средневековой болгарской литературы – «Родник златоструйный». Переводил я и современную болгарскую прозу и поэзию. Перевод – один из сложнейших механизмов межкультурной коммуникации, и я очень доволен тем, что смог его освоить. Не буду скрывать, что это был и способ зарабатывать на жизнь в 1990-е гг., я тогда часто переводил с восточноевропейских языков – болгарского, венгерского, македонского, румынского, польского, сербохорватского, словенского, чешского – юридические, технические и другие документы. Однажды, когда мы с женой ломали голову, на что купить кровать для подросткового сына, позвонил человек и принес срочный перевод с польского страниц на десять, так что вопрос был решен.

Ю.М.: *Вы перечислили почти десяток языков. Неужели Вы их все знаете?*

Д.И.: Уровни знания языков тоже бывают различными, обычно их оценивают как экспертный, профессиональный, продвинутый и базовый. Экспертным уровнем я могу похвалиться только в болгарском, профессиональным – в английском, остальные – знаю в основном на базовом. В 1990-е гг. слависты шутили, что распад Югославии сделал нас всех полиглотами – существовавший более ста лет общий сербохорватский литературный язык в 1990-е гг. распался на сербский, хорватский и боснийский. Однажды я заработал, пожалуй, самые легкие в своей жизни деньги, переведя с русского на все эти языки таблички для обустройства лагеря нашего миротворческого контингента в Боснии. Как медиевист-славист я, конечно, читаю по-церковнославянски, изучал основы латыни и среднегреческого. Но более всего мне помогало в жизни владение русским языком, как я надеюсь, на экспертном уровне.

Ю.М.: *Знание языков требует повседневной практики. Не этим ли обусловлена Ваша активная международная деятельность?*

Д.И.: Скорее наоборот, языки дают возможность участия в такой деятельности. Кафедра истории южных и западных славян истфака МГУ, которую я окончил,

открывала нам мир с самого начала специализации. Еще студентами мы проводили в изучаемых странах один-два семестра, общались со своими сверстниками, были частыми посетителями просмотров фильмов и других культурных мероприятий в посольствах славянских государств. Многие из моих однокашников пошли в дипломатию, сейчас они – уже послы, посланники, руководители департаментов МИД. Я тоже нашел свое место в международном пространстве, реализуя многочисленные образовательные и научные проекты. С 1993 по 2000 г. я был членом совета мировой образовательной программы «Гаагская международная модель ООН» и национальным координатором этой программы в России. До сих пор, уже почти двадцать лет, в Иванове ежегодно проходит международная конференция учащихся в формате этой программы.

Сейчас я вхожу в экспертный совет Фонда Ромуальдо дель Бьянко в Италии, который отметил мою работу по развитию сотрудничества между преподавателями и студентами восточноевропейских университетов бронзовой медалью. В научном плане самый долгосрочный проект, в котором я участвую уже пятнадцать лет, это работа международной группы по сравнительному изучению европейских профессиональных традиций. В этом учебном году мы проводим силами ученых трех университетов – Московского, Центрально-Европейского и Ивановского – серию семинаров по этой тематике для молодых ученых из России, Белоруссии, Казахстана и Украины.

Ю.М.: Ряд Ваших работ посвящен Болонскому процессу, который вызывает у российской вузовской общественности большую озабоченность. Вы действительно полагаете, что вхождение в этот процесс может иметь положительные последствия для нашего высшего образования?

Д.И.: У Болонского процесса есть несколько уровней. В его основе лежит укрепляющееся сотрудничество европейских университетов, в котором активны и российские вузы, а также возрастающая год от года академическая мобильность студентов, аспирантов и преподавателей. Около четверти студентов-международников ИВГУ заканчивают университет, имея за плечами солидный опыт участия в студенческих обменах, конференциях, включенном обучении; многие из них продолжают учебу в зарубежных университетах. Это – реальность, и в рамках Болонского процесса сделано многое, чтобы облегчить и закрепить эти тенденции. Очевидно и другое – уже третье поколение студентов российских вузов в основном повторяет без существенных изменений образовательные траектории своих отцов и матерей, если не дедушек и бабушек. Я хорошо знаком с практикой восточноевропейских университетов и должен сказать, что в Польше, Венгрии или Латвии уже сейчас интересней и легче учиться истории или политологии, чем в России. Студенты в Европе в основном заняты проектной деятельностью, самостоятельной работой, они имеют возможность выбирать из большого числа курсов и модулей, лучше владеют иностранными языками, читают новейшую литературу, статьи из ведущих мировых научных журналов. Европейские вузы раньше начали модернизацию образования, и игнорировать их опыт в России нельзя.

Но повсеместно есть проблема бюрократии и ее стремление оправдать свое разномыслие новыми видами деятельности. Именно бюрократическая сторона Болонского процесса вызывает недовольство преподавателей и студентов, и не только в России. Наконец, есть политика. Само решение о присоединении России к Болонскому процессу было обусловлено политическими соображениями, а не радением

об отечественном высшем образовании. Но сейчас, как Вы сами видите, о Болонском процессе у нас почти не говорят, и это не случайно. В России идет системная реформа всего высшего образования, и обусловлена она внутренними причинами, а не Болонским процессом. Ссылки на Болонью чаще делаются в обоснование собственных мер, направленных на создание иерархически обустроенной структуры российских вузов, привязанной к приоритетам и потребностям административно-бюрократической системы науки и высшего образования. Но это – обычный для России путь модернизации, и не Болонский процесс тому виной.

Ю.М.: *Мы все-таки вернулись к политике. Судя по Вашему «послужному списку», несмотря на Вашу жесткую оценку 1980-х, перестройка не отбила у Вас охоту к политической деятельности. Не так ли?*

Д.И.: Не совсем так. Наряду с шестидесятыми и восьмидесятыми, когда пустопорожняя болтовня считалась политическим участием, в нашей стране в 1990-е гг. было десятилетие политики, завершившееся установлением «суверенной демократии». Возник реальный объект изучения, и это придало смысл политической науке, которая до этого была сугубо нормативной – вначале научный коммунизм учил нас, как должно выглядеть социалистическое общество, а затем – наскоро переведенные или пересказанные западные учебники вещали в том же духе о демократии и о гражданском обществе.

Возникли и возможности включенного наблюдения политики. Мы с коллегами на кафедре создали в 1990-м г. один из первых курсов политологии, начали готовить открытие такой специальности совместно с немецкими и шведскими коллегами, но тогдашнее руководство нашего университета сочло это неактуальным. Тогда я занялся прикладной политической работой – был политконсультантом политиков разных уровней, входил в предвыборные штабы, освоил организацию избирательных кампаний и т.д. Но эта деятельность прекратилась сама собой, с исчезновением публичной политики. Соответственно, и мои интересы в этой области переключились на мировую политику. Однако опыт 1990-х мне очень помогает в преподавании студентам-международникам. Среди моих любимых дисциплин – принятие политических решений, переговоры и разрешение конфликтов. В последние годы я увлекся новой областью знаний – теорией мировой политики, и надеюсь, что выкрою время, чтобы заняться ею всерьез. В нашей стране только начинает складываться академическое сообщество в этой области, и оно состоит из интересных, нетрадиционно мыслящих людей, общение с которыми стимулирует научный поиск.

Ю.М.: *Остается пожелать Вам успехов в Ваших разнообразных делах и выразить надежду, что за ними не потеряется Ваше участие в жизни журнала.*